

Наталья Мамаева

СТРАНИЦЫ СУДЕБ

Наталия Мамаева
Страницы судеб

«Логос»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)

Мамаева Н. В.

Страницы судеб / Н. В. Мамаева — «Логос», 2026

ISBN 978-5-00255-607-6

Наталия Мамаева в книге «Страницы судеб» пишет о том, как жизнь оставляет следы — в словах, в предметах, в памяти поколений. Название «Страницы судеб» — не метафора, а способ осмыслить, что каждая судьба — это отдельная страница, которую важно прочесть внимательно и без спешки. Для автора книга не просто носитель текста, а артефакт: он хранит память, открывает двери и иногда скрывает опасность. В своём произведении писательница исследует, как слова и страницы меняют реальность и судьбы людей.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00255-607-6

© Мамаева Н. В., 2026

© Логос, 2026

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Тени между строк	7
Часть 2. Огонь, который стирает память	11
Часть 3. Архив забытых голосов	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Наталия Мамаева

Страницы судеб

© Мамаева Н. В., 2026

© Знание-М, 2026

* * *

Пролог

Память не исчезает – она просто ищет, кому прошептать своё имя.

1968 год. Библиотека имени А. С. Пушкина. Старинное здание, возведённое в начале века, хранило не только книги – в его стенах скрывалось тайное хранилище с особым фондом документов. В читальном зале пахнет старой бумагой и пылью, осевшей так давно, что она уже стала частью воздуха. Тихо. Так тихо, что слышно, как где-то далеко, в другом крыле, щёлкает выключатель.

За дальним столом в полутени настольной лампы с зелёным абажуром сидит мужчина. Перед ним – стопка листов, исписанных мелким, почти бисерным почерком, и потрёпанная тетрадь, чьи страницы уже едва выдерживали давление стержня. Он пишет не быстро, а так, будто каждое слово осторожно вынимает из тишины, чтобы оно не рассыпалось по комнате.

Библиотека была построена с особой системой защитных камер в подвале, где хранились самые ценные документы. Именно здесь в 1968 году появилась загадочная книга, принесённая неизвестным человеком в дождливый вечер. Мужчина не писал роман. Не сочинял рассказ. Он фиксировал. Имена, даты, обрывки разговоров, забытые адреса, истории, которые люди передавали друг другу шёпотом, словно боялись, что стены услышат их и донесут рассказы куда-то выше.

На отдельных страницах – пустые строки. И пометки: «Допиши здесь свою историю», «Вспомни того, кого забыли». Точно книга просит не просто читать, а участвовать. Будто она хочет помнить за тех, кто сам уже не справляется.

А где-то в других местах, там, где свет не такой мягкий и воздух пахнет не пылью, а канцелярским лаком и чернилами, выстраивают другую систему – систему забвения. Там бумаги «теряются», списки «пересчитываются», документы «портятся от влаги». Там стирают не криком, а тишиной, не ударом, а аккуратной пометкой на полях: «Не хранить. Уничтожить».

В какой-то момент исчезает и тот, кто сидел под зелёной лампой. Уходит на минуту, оставляет раскрытую тетрадь и карандаш – и не возвращается. Остаётся только эта пауза – раскрытая страница, застывшее время. И книга, которая теперь будто сама ищет, кому передать память. Она переходит из рук в руки, обрастает пометками, новыми строками, чужими почерками – и словно шепчет, где искать ответы.

Часть 1. Тени между строк

Книга – это не просто слова на бумаге. Это свет в тёмном коридоре между страницами, по которому мы идём навстречу себе.

В комнате царил уютный полумрак. Солнечные лучи лениво пробивались сквозь полупрозрачные шторы, рисуя на стенах и мебели причудливые узоры из света и тени. На деревянном столике около дивана стояла чашка с чаем – его янтарно-красная жидкость манила теплом и ароматом. Рядом лежала раскрытая книга, страницы которой были залиты мягким светом настольной лампы с абажуром из натуральной ткани. Очки, аккуратно положенные поверх текста, словно ждали своего владельца.

Это был уголок для тихих размышлений. Здесь время текло иначе.

Вера вернулась к столу с лёгкой улыбкой, но пальцы сами собой сжались на пакетике с мятными конфетами – она вдруг поняла, что не помнит, как взяла его с полки. Разорвав яркую обёртку, она положила одну конфету рядом с чашкой и тут же нахмурилась: запах мяты был не свежим, а горьковатым, будто конфета лежала в кармане месяцами. Вера поднесла её к глазам: обёртка выглядела новой, но уголок был надорван, словно его неаккуратно тронули.

«Странно, – подумала она, но тут же отмахнулась. – Усталость, наверное».

Взгляд скользнул по знакомым строчкам. Книга была старой, страницы пожелтели от времени и слегка потрепались по краям. Но именно это придавало ей особый шарм. Или... нет? Вера провела пальцем по краю страницы и замерла: бумага была не шершавой, как раньше, а гладкой, будто её только что отполировали.

«Как странно, что мы так похожи», – пронеслось у неё в голове. И в ту же секунду на странице, прямо под её пальцем, на долю секунды мелькнула тень слова, которого там не было. Тень исчезла, но Вера успела прочитать: «*Не читай*».

Сердце ёкнуло. Она моргнула, вглядываясь в строчку, но теперь там было всё как обычно.

– Да что со мной? – пробормотала Вера и отхлебнула чай. Жидкость обожгла язык не потому, что была горячей, а потому, что вкус вдруг стал чужим: вместо привычной терпкости во рту остался металлический привкус, как от старых монет.

Она поставила чашку так резко, что по поверхности напитка пробежала рябь. И в этой ряби на мгновение Вера увидела не отражение лампы, а силуэт двери – той самой, перед которой стоял мужчина из рассказа. На секунду ей показалось, что за этой дверью кто-то дышит. Тихо, размеренно, будто ждёт, когда она повернёт ключ.

На следующее утро будильник вырвал её из тяжёлого, липкого сна, где она бегала по бесконечным коридорам и никак не могла найти выход. Мозг отказывался просыпаться, пока пальцы не коснулись прохладного металла. Но ключей в сумке не было. Ни в сумке, ни в карманах жакета. Вера перевернула диван, вытряхнула карманы вчерашних брюк, заглянула даже в холодильник – и на этом моменте её накрыл нервный, почти истерический смешок.

Весь день ей казалось, что страницы шуршат у неё за спиной, будто кто-то листает невидимую книгу, записывая каждое её движение.

Вечером, уставшая, с гудящей головой, она вернулась домой и, сама не зная зачем, снова взяла книгу – словно надеялась найти там объяснение. Лампа тускло светила, отбрасывая длинные тени на стены. Когда Вера открыла первую страницу, время точно споткнулось.

Текст изменился.

Вот он. Тот самый абзац. Дословно. Как будто кто-то записал её утро.

«Женищина стояла перед дверью своей квартиры уже десять минут».

Ровно столько, сколько она простояла сегодня утром, вглядываясь в замочную скважину и надеясь, что это только сон. И про холодильник – тоже было там. Дословно.

Вера захлопнула книгу так резко, что лампа качнулась и тени на стене взметнулись, будто испуганные птицы. В комнате стало тихо. Слишком тихо. Даже тиканья часов не было слышно. Девушка прислушалась: тишина давила на уши, точно Вера оказалась в вакууме.

Она глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь, и прошептала, будто убеждая саму себя:

– Книга не может знать, что со мной происходит. Это просто случайность. Или я схожу с ума.

Но почему-то она больше не могла заставить себя открыть сборник рассказов. Не сегодня. Вместо этого она долго сидела в кресле, глядя на свою лампу, которая вдруг показалась ей единственным источником тепла в комнате, полной чужих слов.

Лампа отбрасывала на стену причудливые тени, похожие на силуэты страниц книги. Вера не могла отвести взгляд от её абажура – он казался ей единственным живым существом в комнате. Вдруг она заметила нечто странное: тень лампы начала двигаться, хотя сам светильник стоял неподвижно.

Она моргнула. Тени складывались в буквы, а затем в слова: *«Не закрывай меня так грубо»*.

Вера вскочила с кресла. Это невозможно! Она схватилась за край стола, чтобы убедиться, что он стоит твёрдо. Лампа оставалась неподвижной, но тень продолжала меняться. Теперь буквы расползались, как чернила в воде, и собирались в новую фразу: *«Ты уже прочитала слишком много»*.

– Ты... ты тоже? – прошептала она, чувствуя, как пересыхает горло.

Ответом был лишь мягкий свет, который вдруг стал ярче, будто лампа пыталась её ослепить. Вера медленно подошла к столу и взяла книгу. Её сердце бешено колотилось. На титульном листе, где раньше она видела только надпись «Страницы судеб», теперь появилось имя автора: «Светлячок». И ниже мелким шрифтом: «Издание для одного читателя».

Её пальцы задрожали. Чашка чая рядом с книгой слегка покачивалась, точно кто-то невидимый коснулся края стола. Мятная конфета на блюде таяла быстрее обычного, оставляя после себя едва уловимый аромат – такой сильный, что, казалось, он проникает в текст книги, въедается в буквы.

«Это сон», – подумала Вера, но тут же поняла, что это не так. Сон не мог быть таким осязаемым. Он не мог заставить дрожать чашку или менять текст в книге.

Она сделала глубокий вдох и снова открыла первую страницу. Теперь там был написан совсем другой рассказ. О женщине по имени Вера, которая нашла старую книгу и настольную лампу на чердаке своего дома. И о том, как эта книга стала писать её жизнь.

Вера отшатнулась от страницы так резко, что опрокинула чашку чая на стол. Капли упали прямо на текст, но слова не расползлись: они просто потемнели и стали ещё чётче, будто чернила впитывали жидкость, чтобы стать сильнее.

– Это невозможно, – прошептала Вера, проводя пальцем по строчкам, словно пытаясь нащупать в них хоть каплю реальности.

Лампа на столе внезапно стала мерцать мягче, как будто подстраиваясь под ритм её дыхания. Вере показалось – или тень абажура действительно изменилась? Теперь она напоминала силуэт человека, сидящего за столом и пишущего что-то пером. Только рука у него была слишком длинная, неестественно изогнутая, словно кости в ней гнулись не в ту сторону.

Девушка поднялась из кресла и подошла к окну. За стеклом капал тихий дождь, но, когда она посмотрела вниз, ей почудилось, что вместо асфальта там лежит раскрытая книга, а люди идут по страницам. Они не поднимали голов, не смотрели по сторонам – просто шагали вперёд, будто знали, что их история уже написана. Она быстро отвернулась.

Вера стояла перед зеркалом в полутёмной комнате и не узнавала собственного отражения. В нём будто проступали чужие черты – то ли от усталости, то ли от того, что мир вокруг стал каким-то кривым, искажённым, словно стекло было не простым, а из тех, что ставят в

комнатах смеха. Но смеяться не хотелось. На долю секунды в отражении мелькнуло что-то ещё – не её лицо, а чужое, с тёмными провалами вместо глаз. Оно моргнуло раньше, чем моргнула она.

Снова взгляд упал на раскрытую книгу. «Страницы судеб»... Название будто звало за собой, манило заглянуть глубже, туда, где слова переставали быть обычной комбинацией букв и становились дверьми в иные пространства. И чем дольше Вера погружалась в содержание, тем сильнее чувствовала: она не просто читает историю – она её проживает.

В одном из рассказов появлялся писатель. Он сидел за столом, очень похожим на тот, где сейчас стояла лампа, – с резными ножками, тяжёлой столешницей и чернильницей, в которой чернила казались густыми, как ночь. Писатель склонялся над листом бумаги, и перо его скользило по странице с такой уверенностью, будто он не создавал историю, а записывал уже случившееся.

И вот что пугало и завораживало одновременно: в тексте рассказывалось, как этот писатель пишет роман под названием «Страницы судеб». Описывался тот самый стол, та самая лампа, даже тень от руки, падающая на бумагу. Получался замкнутый круг: книга рассказывала о том, как её пишут, а Вера читала о том, как она уже прочитана.

– Ты пишешь мою жизнь? – спросила она вслух, обращаясь то ли к лампе, то ли к книге.

Ответ пришёл не словами, а действием. Страницы начали медленно перелистываться сами собой, точно кто-то невидимый водил рукой над ними. Они остановились на середине сборника, где раньше был пустой лист.

Там появился новый заголовок: «*Пятница. Офис*». Под ним было написано только одно слово: «*Огонь*».

Вера почувствовала, как комната вокруг неё слегка накренилась. Лампа качнула световой круг, отбрасывая его на страницу. И в этом свете буквы казались живыми, дышащими, готовыми рассказать ей всю правду. Но для этого нужно было прочитать дальше – а она вдруг поняла, что боится узнать, что именно там написано.

Вера так и не успела опустить взгляд на страницу.

Сначала дрогнул свет. Не просто мигнул, а будто кто-то провёл по комнате невидимой рукой: яркость стала неравномерной, местами густой, как смола. Лампа на столе вдруг перестала быть лампой. Её абажур на секунду стал похож на натянутую кожу, сквозь которую просвечивали тонкие линии прожилок, а внутри вместо нити накала мелькнули крошечные буквы – они бежали по кругу, как муравьи, и складывались в слова, которые Вера не успевала прочесть.

Она отшатнулась, и пол под ногами словно потерял твёрдость. Доски стали податливыми, как страницы, которые можно перелистнуть одним движением. Вера вцепилась пальцами в край стола, но дерево тоже изменилось: оно стало холодным и гладким, будто покрытым тонким слоем инея, а по поверхности побежали строчки текста: мелкие, бисерные, они вырисовывались прямо из волокон и тут же исчезали.

Стены начали сжиматься, углы смещались, линии теряли чёткость. На месте обоев проступали поля, абзацы, отступы – точно комната была не комнатой, а разворотом огромного тома. Даже воздух стал другим – густым, тяжёлым, он сопротивлялся вдоху.

Вера зажмурилась, надеясь, что, когда откроет глаза, всё вернётся на свои места. Но темнота за веками тоже была странной: в ней двигались тени, складывались в буквы, шептали что-то на незнакомом языке.

Она распахнула глаза – и увидела, что книга на столе больше не лежит, а парит в нескольких сантиметрах над поверхностью. Страницы сами собой переворачивались – слишком быстро, чтобы успеть что-то разобрать. И каждый раз, когда лист останавливался, на нём появлялось лишь одно слово: «Дальше».

Мятная конфета на блюде исчезла. Вместо неё лежал крошечный скомканный листок бумаги. Вера потянулась к нему дрожащими пальцами и развернула. На нём было выведено тем же бисерным почерком, что и в книге: «Ты уже не читатель. Ты – строка».

В этот момент лампа погасла. Не щёлкнула выключателем, не моргнула напоследок, а просто перестала существовать. Вместе с её светом исчезло и ощущение времени. Секунды перестали течь, они рассыпались на отдельные мгновения, как рассыпаются страницы, если книгу бросить с высоты.

И тогда Вера услышала это. Не голос. Не шёпот. А звук, похожий на то, как шуршит бумага, когда её рвут пополам. Только он шёл отовсюду: из стен, из пола, из пустоты между вдохами. И в этом звуке можно было различить ритм. Он складывался в слоги её имени: «Ве-ра. Ве-ра. Ве-ра». Как строчка, которую повторяют, чтобы запомнить. Как строчка, которую нельзя вычеркнуть.

Часть 2. Огонь, который стирает память

Мы думаем, что пишем свою историю сами, но иногда кажется, будто кто-то уже расставил знаки препинания за нас.

Вера стояла у массивной дубовой двери библиотеки, сжимая книгу под мышкой так сильно, что пальцы побелели. Ей хотелось одновременно швырнуть её в дальний угол и прижать к груди, спрятать от чужих глаз.

«Я должна узнать, кто такой этот Светлячок. Должна понять, почему книга говорит со мной. Но что, если следом откроется что-то, после чего я уже не смогу спокойно пить утренний кофе и думать, что моя жизнь – жизнь обычного человека? Что, если окажется, что я всегда шла по чьим-то строчкам, даже не замечая этого? И если я сейчас дочитаю до конца, пути назад не будет».

Она медленно выдохнула, открыла страницу – и снова почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она не спала всю ночь, глядя то на настольную лампу, которая теперь казалась ей живым существом, то на страницу с единственным словом – «огонь».

Пятница была через три дня.

Библиотекарь за стойкой выглядела как персонаж из старой книги: седые волосы собраны в пучок, очки в тонкой оправе, а платье напоминало цвет пыльного томика по ботанике.

– Добрый день! Я ищу информацию о сборнике рассказов... – начала Вера, но осеклась. На обложке её экземпляра не было ни названия, ни автора. Только золотое тиснение: «Страницы судеб». – Я помню только это название.

Женщина подняла бровь, но взгляд её был внимательным.

– Странно... – пробормотала она, открывая огромный каталог. – У нас нет книг с таким названием. Но. – Она достала из кармана платья маленький блокнотик, явно личный. – Знаете, иногда люди приносят мне странные запросы. Несколько месяцев назад одна женщина спрашивала про сборник без автора, который называла именно так. И ещё один мужчина недавно интересовался чем-то похожим.

Сердце Веры на миг замерло, будто время решило сделать паузу.

– А они нашли эту книгу?

– Нет, – качнула головой библиотекарьша. – Но они оставили мне кое-что.

Она подошла к полке с редкими изданиями и вытащила потрёпанный журнал для заметок. Внутри были аккуратно наклеены вырезки из газет.

Первая статья датировалась прошлым годом.

«Необъяснимое исчезновение писателя

Александр Светляков, известный автор мистических новелл, пропал при загадочных обстоятельствах. Его последняя рукопись так и не была найдена. Полиция считает дело закрытым из-за отсутствия состава преступления».

Вторая статья была совсем свежей:

«Чудесное спасение

Сотрудница офиса на улице Ленина чудом избежала пожара, произошедшего вчера вечером. Женщина утверждает, что знала об этом заранее благодаря «странному совпадению».

Вера ощутила, как всё вокруг на миг потеряло равновесие. Пожар уже случился? Неужели книга писала не будущее, а прошлое?

Она посмотрела на библиотечные полки. Между рядами старых фолиантов двигались тени, похожие на силуэты людей, читающих невидимые страницы. Лампы здесь мерцали ровно так же, как та, которую она оставила дома.

– Вы в порядке? – спросила библиотекарша, кладя руку на плечо Веры.

Та вздрогнула и крепко сжала свою книгу.

– Да... Просто... Вы сказали, его фамилия была Светляков?

– Да, – кивнула женщина. – Почему вас это интересует?

Вера открыла свой экземпляр и показала надпись внутри переплёта, сделанную чернилами, которых раньше там не было: *«Для моей внучки Веры от деда Саши. Читай медленно»*.

Казалось, сам воздух сгустился и застыл, а в груди у Веры всё сжалось от недоброго предчувствия. Лампа над столом вспыхнула так, будто хотела разогнать эту странную тишину.

Библиотекарша отошла к другому посетителю, а Вера замерла у стола, не в силах отвести взгляд от надписи.

«Дед... – подумала она. – Но мой дед умер много лет назад, и его звали совсем иначе».

Она открыла первую страницу сборника. Текст был прежним – рассказ о потере ключей. Но когда её тень упала на страницы из-за движения лампы над столом, слова начали меняться прямо на глазах: сперва появилось лёгкое дрожание букв, затем они стали расползаться, как чернила под дождём, и складываться в новые предложения.

«Ты стоишь сейчас в библиотеке имени А. С. Пушкина. Лампа над твоим плечом мерцает ровно три раза каждые десять секунд. На полке слева от тебя стоит книга “Атлас забытых городов”, изданная в 1973 году. На третьей странице этой книги есть пометка карандашом: “Здесь я встретил свою судьбу”».

В груди у Веры всё оборвалось. Лампа действительно замерцала трижды. И на соседней полке стояла именно та книга. Дрожащими руками она достала томик «Атласа...» и раскрыла его наугад.

Там, на третьей странице, была аккуратная надпись карандашом: *«Саша Светляков, 24 мая 1968 года. Здесь я понял, что должен писать истории для тех, кто ещё не родился»*.

– Что вы ищете? – раздался голос библиотекарши за спиной.

Вера резко обернулась, и движение воздуха заставило страницы обеих книг перелистнуться сами собой. На открытой странице атласа появился тонкий карандашный набросок – план офисного здания, похожего на то, где работала Вера. Над ним красовалась дата предстоящей пятницы.

А в книге «Страницы судеб» текст продолжал изменяться: *«Не ищи меня в прошлом или будущем. Я всегда здесь, между строк. Ты нашла эту книгу потому, что ты уже прочитана мной. Теперь читай себя сама»*.

И в этот момент Вера поняла, что библиотека вокруг неё изменилась. Стены словно растянулись, полки потемнели, а тени между ними превратились в силуэты людей – сотни версий самой Веры в разных одеждах и эпохах.

– Это не галлюцинация, – прошептала она, глядя на дрожащие буквы. – Книга меняет саму библиотеку.

– Что вы ищете? – повторила библиотекарша, подходя ближе. Её голос эхом отразился от стен, заставляя тени дрогнуть.

Вера подняла глаза. Она заметила, что взгляд женщины задержался на странице атласа. Библиотекарша сделала шаг назад, её лицо стало усталым.

– Я работаю здесь уже тридцать лет. Иногда библиотека меняется. Когда приходят такие читатели.

Она подошла к старинному каталогу и провела пальцем по запylённым страницам.

– Эта книга... «Страница судеб». У нас есть записи о ней. Но только в этом каталоге. Ни одного физического экземпляра никогда не поступало в фонд.

Женщина наклонилась к каталогу, и Вера заметила, как её пальцы на секунду замерли над латунным замочком.

– Сюда записывают не для учёта, – сказала она тихо. – Чтобы не забыть, что они были.

Она приоткрыла ящик. На карточках были записаны имена людей, которые приходили искать эту книгу:

Анна К., 2015 год. Исчезла при загадочных обстоятельствах после пожара в квартире.

Игорь С., 2018 год. Написал роман под псевдонимом «Светлячок», исчез без следа.

Елена П., 2023 год. Нашла работу в офисе, который сгорел через неделю.

Последняя запись была свежей, чернила ещё не высохли: «Вера М., сегодня. Ищет информацию об авторе Александре (Саше) Светлякове».

– Вера М. – прочитала Вера. Это было сокращение её фамилии.

Библиотекарша медленно закрыла ящик. Звук латунного замочка прозвучал в зале как щелчок затвора.

– Ты должна кое-что понять, – тихо сказала она, не глядя на Веру. – Эта книга не предсказывает будущее и не переписывает прошлое. Она отражает. Как зеркало, только не лица, а смыслы. То, что важно именно для тебя. Пожар, ключи, даже эта библиотека – всё это уже жило в твоей голове. Книга просто вытаскивает это наружу и облекает в форму.

Вера покачала головой, пальцы всё ещё сжимали потрёпанный переплёт.

– Но надпись... *«Для моей внучки Веры от деда Саши»*. Мой дед не был писателем. Его звали иначе.

Библиотекарша наконец подняла глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

– А ты уверена? Люди часто забывают целые пласты своей жизни. Или не знают семейных тайн. Может, кто-то из предков носил другое имя. Или взял псевдоним. А может, «дед Саша» – это вовсе не про родство. Может, это про связь, которая не измеряется кровью.

Вера хотела возразить, но слова застряли в горле. В памяти вдруг всплыл обрывок: летний вечер, старый балкон, седой мужчина в клетчатой рубашке, который шепчет ей, маленькой, на ухо: «Запоминай всё. Даже тени. Из них получаются лучшие истории». Она давно считала это сном. Но теперь сумрак сомнения лёг на всё её прошлое.

В этот момент лампа над столом мигнула – не трижды, как раньше, а раз, но так ярко, что на мгновение ослепила девушку. Когда зрение вернулось, Вера заметила, что потёртый корешок книги слегка засветился изнутри, словно под кожей переплёта пробежали тонкие золотые нити.

Она осторожно открыла том «Страницы судеб» на той самой странице с одиноким словом «огонь». Буквы дрожали, как марево над горячим асфальтом, и медленно складывались в новую фразу: *«Посмотри на свою тень»*.

Вера медленно обернулась. Её тень на стене была не такой, как обычно. Вместо очертаний фигуры она складывалась в силуэт человека, сидящего за столом и склонившегося над рукописью. В руке его было перо, а перед ним лежала раскрытая тетрадь.

– Это невозможно, – прошептала Вера, но уже без прежней уверенности.

Тень шевельнулась. Перо в её руке будто бы царапнуло невидимую страницу. И тут же в книге, которую держала Вера, на чистом поле рядом со словом «огонь» появилась тонкая карандашная линия – росчерк, похожий на подпись.

Библиотекарша тихо вздохнула.

– Видишь ли, в этом здании происходят вещи, которые нельзя объяснить. Но можно почувствовать. Эта книга – как ключ. Она открывает двери, о которых ты даже не подозревала. Но будь осторожна: не все комнаты стоит посещать.

Словно в подтверждение её слов, воздух в зале стал гуще, будто наполнился пылью веков. Тени между стеллажами снова зашевелились.

Внезапно страницы книги сами собой зашелестели и раскрылись на середине. Там, где раньше был пустой лист, теперь лежал маленький сложенный листок бумаги. Вера осторожно вытащила его. На нём аккуратным, почти каллиграфическим почерком было выведено: *«Пятница. Офис. Огонь. Не входи»*.

Под надписью стояла подпись – неровная, словно сделанная в спешке: *«А. Светляков»*. Сердце Веры пропустило удар.

– Откуда это здесь? – голос дрожал. – Я не клала сюда записку!

Библиотекарша посмотрела на листок, и её лицо на мгновение исказилось от боли.

– Значит, книга решила, что ты должна это увидеть. И возможно, именно поэтому ты должна сделать выбор: поверить или отвергнуть. Но помни: иногда самое страшное – это не то, что написано на бумаге. А то, что ты знаешь без слов.

За окном снова пошёл дождь, но капли, ударяясь о стекло, издавали странный звук – будто кто-то быстро перелистывал страницы. Вера сжала в пальцах записку, чувствуя, как холодный страх смешивается с упрямым желанием докопаться до истины.

– Я должна пойти туда, – твёрдо сказала она, сама удивляясь своей решимости. – В этот офис. В пятницу. Чтобы понять, что всё это значит.

Библиотекарша покачала головой.

– Не торопись. Иногда ответы приходят сами, когда ты перестаёшь их искать. А иногда... они находят тебя.

Но Вера уже не слушала. Она знала: теперь она не сможет просто закрыть книгу и забыть обо всём. Тайна, спрятанная между строк, уже стала частью её жизни.

* * *

Будильник прозвенел незнакомой мелодией – такой, будто её выводили на старом пианино, где половина клавиш западала. Вера открыла глаза и сразу поняла: пятница будет другой. На экране телефона висело непрочитанное письмо: тема – «Пятница», текст – пуст.

Город словно затаил дыхание. Вера шла к офисному зданию на улице Ленина, сжимая в кармане записку с четырьмя словами: *«Пятница. Офис. Огонь. Не входи»*. Последние два она мысленно перечёркивала снова и снова, но ноги сами несли её вперёд.

Здание выглядело буднично: серый фасад, стеклянные двери, аккуратные кашпо у входа – ничего, что намекало бы на беду. Но стоило Вере подойти ближе, как воздух стал суше, а запах – странным: не то пыль, не то перегретый пластик. Она остановилась у турникета, пытаясь унять дрожь в пальцах.

Перед тем как шагнуть внутрь, она на секунду задержалась, вспомнив слова библиотекарши: «Не все комнаты стоит посещать». Но любопытство и страх сплетались в тугой узел, и она знала, что уже не сможет повернуть назад.

– Вы к кому-то? – спросил охранник, поднимая глаза от журнала. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на тревогу, будто он её узнал.

– Я... я здесь работаю, – ответила Вера, сама удивляясь, как легко сорвалась с языка эта полуправда. Пропуск нашёлся в сумке – обычный пластиковый прямоугольник, который она носила уже полгода. Но сегодня он казался чужим.

Охранник кивнул, не задавая лишних вопросов, и Вера прошла внутрь. Лифт поднимался медленно, словно нехотя, и в тесной кабине её отражение в зеркальных стенах казалось бледнее обычного.

На этаже всё было привычно: коридор с бежевыми стенами, двери кабинетов, кулер у окна. Но тишина здесь была не спокойной, а напряжённой, как перед грозой.

Она подошла к своему рабочему месту, машинально включила компьютер, хотя знала, что не будет ничего делать. Взгляд скользнул по полке с папками, по чашке с надписью «Луч-

ший сотрудник», по фотографии в рамке – всё было на своих местах, но казалось декорацией, ненастоящим.

И тут она почувствовала это. Сначала – лёгкое покалывание в затылке, потом – запах. Не тот, что был у входа, а резкий, едкий, знакомый по летним лесным пожарам у бабушки в деревне. Вера резко обернулась. Из-под двери соседнего кабинета, где раньше сидел бухгалтер, тянулась тонкая струйка дыма.

Сердце забилося где-то в горле. Она бросилась к двери, схватилась за ручку – металл был тёплым, почти горячим.

Дым был густым и липким, он пах горелой пластмассой и чем-то ещё, знакомым с детства: так пахло, когда бабушка забывала выключить утюг.

Ручка обожгла пальцы. Вера отдёрнула руку, но тут же схватилась снова – за край полотна, где дерево ещё оставалось прохладным.

– Эй! Есть кто?! – её крик утонул в шуме, который она только сейчас услышала: треск, похожий на автоматную очередь, только ближе. Это горели перегородки.

В голове пронеслось: «Не входи». Но она не могла просто стоять. Вера сорвала с вешалки пальто, намочила его в раковине туалета и, прикрыв лицо, рванула вперёд. Дверь поддавалась не сразу, будто сопротивлялась, а когда распахнулась, на девушку хлынул жар.

Внутри было темно, только в углу мерцал слабый свет – горел сетевой фильтр, от него тянулись тонкие язычки пламени к стопке бумаг. Огонь ещё не разошёлся всерьёз, но уже хозяйничал в комнате, жадно облизывая всё подряд.

«Я не могу просто стоять. Даже если потом всё изменится навсегда».

Вера метнулась к розетке, пытаясь выдернуть шнур, но пластик плавился под пальцами. Она схватила стул, ударила по розетке – искры брызнули во все стороны, но огонь на мгновение отступил. Дым резал глаза, заставлял кашлять, но она не останавливалась: хватала папки, выбрасывала их в коридор, сбивала пламя пальто.

Когда последняя искра погасла, Вера рухнула на пол, тяжело дыша. Дым постепенно рассеивался, но тишина, наступившая после, была оглушающей.

Только теперь она заметила на столе обгоревший край блокнота. На уцелевшей странице дрожащим почерком было выведено: *«Прости, что не успел предупредить. Огонь – не случайность. Он приходит за теми, кто слишком близко подошёл к правде. Не ищи меня. И главное – не читай дальше»*. Подпись расплылась от влаги, но угадывались буквы: «А. С.».

Вдох застрял в груди, тяжёлый и горький, как дым. «А. С. – Александр Светляков», – пронеслось у неё в голове. Она вспомнила вырезку из газеты в библиотеке: *«Необъяснимое исчезновение писателя»*. Значит, он знал. Знал, что случится. И пытался её уберечь.

Но почему именно она? Почему эта записка оказалась здесь, в её офисе, на столе в кабинете, где никогда не сидел никто по фамилии Светляков?

Папка с материалами для статьи лежала в нижнем ящике стола – Вера помнила, что начала писать о странных исчезновениях сотрудников из этого офиса. Тогда ей показалось это совпадением, но чем больше она копала, тем чаще люди, с которыми она разговаривала, пропадали из поля зрения. Теперь она поняла: это не статья. Это улика. И кто-то очень не хотел, чтобы она её дописала.

Ящик поддался не сразу, от жары металл перекосило, но она дёрнула изо всех сил, и он с визгом выдвинулся. Папка была сильно обгоревшей по краям, несколько листов рассыпались в пепел прямо у неё в руках. Вера успела схватить лишь несколько уцелевших страниц, на них остались обрывки имён и дат, едва различимые сквозь пятна копоти.

Внезапно за её спиной раздался треск, словно что-то тяжёлое рухнуло в соседнем помещении. Вера вздрогнула, обернулась. Дым стал гуще, и в нём мелькнули оранжевые отблески. Огонь не был побеждён. Он лишь затаился, выжидая момент, чтобы вспыхнуть с новой силой.

Она бросилась к двери, но коридор уже заволокло плотной пеленой. Где-то вдалеке слышались крики, топот ног, звон разбитого стекла. Эвакуация шла полным ходом, но Вера будто застыла между двумя мирами: тем, где она просто офисный сотрудник, и тем, где она – героиня чьей-то зловещей истории.

И тут она вспомнила про книгу. «Страницы судеб» лежали у неё во внутреннем кармане пальто. Вера выхватила потрёпанный томик, открыла наугад. Страницы шелестели, словно протестуя, но на одной из них проступили новые строки – не напечатанные, а будто выведенные чьей-то невидимой рукой прямо на глазах:

«Ты думаешь, это здание горит? Нет. Горит не кирпич и не пластик. Горит память. Каждый документ, каждая фотография, каждая забытая записка – это искра. Кто-то хочет стереть следы. Твои следы. Не дай ему этого сделать».

Вера замерла. Слова били точно в цель. Она прижала к себе уцелевшие листы из папки: на них остались обрывки имён и дат, едва различимые сквозь пятна копоти. Это было всё, что осталось от её расследования – и, возможно, всё, что могло доказать: исчезновения не случайны.

В этот момент потолок над ней угрожающе затрещал. Вера метнулась к выходу, но путь преграждала стена огня. Пламя взметнулось вверх, отрезая путь к лестнице.

– Нет, только не так, – прошептала она, прижимая к себе папку и книгу.

И вдруг в густом дыму мелькнул силуэт. Не тень, не игра света – человек в светоотражающем жилете, с противогазом в руке.

– Сюда! – крикнул он, махнув ей. – За мной!

Вера не стала раздумывать. Она рванулась следом, прикрывая лицо рукавом. Они пробились по узкому проходу, который она раньше даже не замечала, – пожарный коридор, скрытый за фальшстеной. Через несколько метров они вышли на улицу, где воздух был холодным и мокрым от дождя.

Её спаситель снял противогаз. Это был пожарный – молодой парень с усталыми глазами.

– Ты как? – спросил он, глядя на неё с тревогой.

Вера хотела ответить, но вместо слов из горла вырвался только кашель. Она опустилась на мокрый асфальт, чувствуя, как дрожь наконец-то накрывает её целиком.

Пожарный присел рядом, положил руку ей на плечо.

– Всё хорошо. Ты в безопасности.

Но Вера покачала головой. Безопасность была иллюзией. Пока в её руках лежали эта папка с обгоревшими страницами и эта книга, она знала: история только начинается.

Когда дым над зданием немного рассеялся, Вера подняла глаза и увидела, что в одном из окон верхнего этажа, в самом центре пламени, на мгновение вспыхнул странный свет – не жёлтый, как у огня, а холодный, серебристый, будто кто-то зажёл там настольную лампу. А потом всё поглотила тьма.

Она сжала в пальцах уцелевшие листки. На одном из них сквозь копоть проступала строчка, которую она раньше не замечала: *«Офис на Ленина. Пятница. Не случайность»*. И рядом – маленькая пометка карандашом, сделанная словно в спешке: *«Проверь архивы. Там всё»*.

Вера подняла взгляд на пылающее здание. Теперь она понимала: огонь не просто хотел стереть её статью. Он желал исключить саму возможность того, что кто-то вспомнит об этих исчезновениях. Но у неё остались обрывки. Крохи памяти, которые кто-то так отчаянно пытался уничтожить.

И она не даст им пропасть.

Часть 3. Архив забытых голосов

Память – это не просто слова на пожелтевших страницах, а голос, которому нельзя позволить замолчать навсегда.

После пожара Вера долго не могла прийти в себя. Её поселили у тётки, в маленькой квартире с запахом лаванды и старых книг, и первые дни она почти не выходила из комнаты. Папка с материалами лежала на столе закрытая, будто ждала особого часа. А «Страницы судеб» стояли на полке рядом с будильником – Вера не решалась открыть книгу, но и не могла заставить себя убрать подальше.

Однажды утром, когда солнце уже стояло высоко, а город шумел привычными звуками, в дверь позвонили. Вера замерла: тётка была на работе, она никого не ждала. На пороге стоял парень лет двадцати пяти, в поношенной кожаной куртке, с тёмными кругами под глазами и с потрёпанным томиком в руках. Томиком, который она сразу узнала.

– Ты... ты читаешь её? – выдохнула Вера, не в силах скрыть дрожь в голосе.

Парень кивнул, сжал книгу так, будто она могла исчезнуть.

– Меня зовут Илья. Я видел тебя у горящего здания. Ты выбежала последней. И я... я тоже кое-что вынес оттуда. Не документы, не вещи. А это.

Он протянул ей «Страницы судеб», и Вера заметила на переплёте тонкую золотую линию – точно такую же, как на её экземпляре.

Вера отступила, впуская его, и на мгновение их взгляды встретились: в её глазах плескался страх, смешанный с надеждой, а в его – тихая уверенность человека, который уже прошёл через что-то тяжёлое и теперь готов разделить эту ношу. В этом взгляде она прочла не просто сочувствие, а понимание: он знал, каково это – стоять на пепелище и держать в руках единственное, что уцелело.

Они сели на кухне, поставили перед собой две чашки горячего чая. Пар поднимался тонкими струйками, размывая очертания предметов, будто стирая границы между реальностью и чем-то иным. И каждый рассказал свою историю – про меняющийся текст, про совпадения, про ощущение, что кто-то пишет их жизнь.

– Я думаю, это всё из-за Светлякова, – сказал Илья, проводя пальцем по строчкам, которые сегодня выглядели иначе, чем вчера. – Александр Светляков. Я нашёл в интернете старые интервью. Он говорил, что книга – это не объект, а процесс. Что она живёт, пока её читают. И что самое страшное – перестать её читать.

Вера достала папку.

– У меня есть кое-что ещё. Материалы о людях, пропавших из того офиса. Все они так или иначе связаны с публикациями, расследованиями, попытками что-то выяснить. И каждый раз, когда я смотрю на эти бумаги, мне кажется, что кто-то хочет, чтобы я их забыла.

Илья открыл свою книгу «Страницы судеб» на случайной странице. Буквы мерцали, будто подсвеченные изнутри, и складывались в фразу: *«Ищите там, где тишина громче крика».*

– Что это значит? – спросила Вера.

– Думаю, это про архив, – тихо ответил Илья. – В старом здании типографии, где когда-то издавали книги Светлякова, есть подвал. Там хранили рукописи, черновики, письма. Говорят, после его исчезновения всё опечатали.

Они вышли на улицу, когда небо уже темнело. Типография стояла на окраине, заброшенная, с граффити на стенах и выбитыми стёклами. Дверь в подвал была заперта.

– Я знаю, как туда попасть, – сказал Илья, доставая связку старых ключей.

Вера хотела спросить, откуда они, но заметила, как у него дрожат пальцы.

– Когда типография закрылась, я работал там курьером, – произнёс он, словно оправдываясь. – Приходил к отцу в цех. Он всё время говорил: «Смотри, как буквы ложатся на бумагу. Они помнят».

Он замолчал, и Вера поняла, что он недоговаривает.

– Что случилось с твоим отцом? – тихо спросила она.

Илья продолжил не сразу. Он повёл фонариком по стенам подвала, и луч выхватил пожелтевший плакат: «Качество печати – качество памяти». Потом заговорил – ровно, без надрыва, но Вера почувствовала, как за этой ровностью стоит что-то, что он держит в себе уже не первый год.

– Он работал в типографии тридцать лет. Наборщик. Знаете, кто это такой? Он набирал текст вручную – литера за литерой, справа налево, чтобы на оттиске получилось правильно. Он знал шрифты, кернинг, интерлиньяж – все эти слова, которые сейчас никто не помнит. А потом типографию закрыли. Сначала перевели на цифру, потом оптимизировали, потом ликвидировали. Папе было пятьдесят три. Предложили «перейти на другую должность» – курьером в тот же офис, где он всю жизнь печатал книги. Он отказался. Через две недели – заявление по собственному. А ещё через два месяца он позвонил мне и спросил, как зовут мою мать.

Вера замерла.

– Они были в разводе?

– Нет. Они жили вместе тридцать лет. Он просто не помнил. Врачи говорили: деменция, сосудистые нарушения, возрастное... Кошмарный сон, в котором ты просыпаешься и не понимаешь, кто спит рядом. Только знаешь, что меня заело? – Илья повернулся к ней, и в свете фонарика его глаза были не грустными, а злыми. – Он забывал в определённом порядке. Сначала – имена коллег. Потом – маршруты. Потом – названия книг, которые набирал. Будто кто-то методично стирал файлы: рабочие, потом личные, потом корневые. Если бы это была обычная деменция, всё смешалось бы. А тут – как по списку. Как по графику уничтожения.

Вера вспомнила папку с заявлениями «по собственному». Одинаковые формулировки. Запятые на одних и тех же местах.

– Ты думаешь, его увольнение – часть той же системы?

– Я думаю, – сказал Илья, – что мой отец не просто потерял память. Я думаю, у него её забрали.

Внизу пахло пылью и сыростью. Узкие стеллажи тянулись в темноту, уставленные коробками с выцветшими этикетками. Илья зажёл фонарик; луч света выхватил из мрака картонную упаковку с надписью: «Светляков А. С. Черновики. Не вскрывать».

На секунду Вера замерла. «Если я возьму это, пути назад не будет. Я стану частью этой истории, а не просто читательницей».

Руки Веры дрожали, когда она развязывала бечёвку. Внутри лежали стопки бумаг, исписанных мелким, нервным почерком, конверты с адресами, вырезки из газет. И ещё – несколько маленьких книжечек, похожих на «Страницы судеб», но с другими надписями на обложках.

На одном из листов Вера нашла запись, сделанную, видимо, в спешке: «Они боятся не правды. Они боятся, что правда станет видимой. Книга – это зеркало. Но если разбить зеркало, осколки всё равно будут отражать. Только теперь – по-другому». Внизу стояла подпись: «А. С.».

Рядом лежал конверт, адресованный кому-то по имени Марина. Вера осторожно вытащила письмо. Оно было коротким: «Если ты это читаешь, значит, книга нашла тебя. Не пытайся всё понять сразу. Следи за тенями. Они говорят больше, чем слова».

– Он знал, что его будут искать, – тихо сказал Илья. – И знал, что будут искать книгу.

Фонарик мигнул, потом погас. В полной темноте Вера нащупала книгу и открыла её наугад. И вдруг почувствовала: страницы стали чуть теплее. Не как бумага, а как кожа. Она

провела пальцем по строчкам, и на кончиках пальцев остался лёгкий холодок, будто чернила были не чернилами, а инеем.

Когда фонарик снова осветил помещение, на одной из полок Вера заметила тонкую стопку фотографий. На них был Александр Светляков – молодой, с усталыми глазами, стоящий рядом с разными людьми. На обороте одной из фотографий было написано: «Библиотека. 1998. Мы думали, что спасаем слова. Оказалось – они спасают нас».

Илья взял фото, взгляделся.

– Эта библиотека... Я её знаю. Это та самая, где ты была. Старая, на углу. Она до сих пор работает.

Вера кивнула. В голове вдруг всплыла фраза библиотечарши: «Книга выбирает читателей сама. Они всегда находят друг друга».

Теперь Вера поняла: она не случайно наткнулась на странную книгу. Она вступила в цепь, которую кто-то начал задолго до неё. И теперь, когда рядом был Илья – ещё один читатель, ещё один свидетель, – эта цепь становилась крепче.

Вера разбирала письма Светлякова, а Илья ходил вдоль стеллажей, водя фонариком по корешкам. Вдруг он остановился.

– Вера, иди сюда.

Голос звучал глухо, будто из-под воды.

На нижней полке, за коробкой с маркировкой «Вспомогательный персонал. 2015–2018», стояла тонкая папка. На обложке – штамп: «Громов Сергей Петрович. Личное дело. Наборщик цеха офсетной печати». И ниже карандашом приписка, которую Илья узнал мгновенно, – почерк отца: «Спросите, куда делись мои гранки».

– Это он, – сказал Илья. – Это его дело.

Он открыл папку. Внутри – стандартный набор: заявление об увольнении, копия трудовой, приказ. Всё чисто, всё по форме. Но на обороте приказа – ксерокопия, плохо пропечатанная, и на ней Илья увидел то, чего не было на оригинале: резолюция синей ручкой, крупным почерком. Не отца. Чужим. «Согласовано. Удалить из базы. Архив не сохранять».

– Удалить из базы, – повторил Илья. – Кого? Сотрудника или человека?

Вера посмотрела на него. В полумраке подвала его лицо казалось старше, чем обычно. Не от усталости – от того, что он нашёл подтверждение тому, в чём боялся признаться даже себе.

– Илья, мы заберём это. Мы заберём всё.

Он кивнул, но руки не разжал. Пальцы так и остались на обложке, будто он боялся, что папка растворится, как слова, которые кто-то решил не хранить.

* * *

Они поднялись наверх, вдыхая свежий воздух, будто возвращаясь из другого мира. И пошли по тёмной улице. За их спинами тени складывались в силуэты, но девушка уже не смотрела на них.

Вера несла коробку с черновиками, Илья – папку отца. Несколько кварталов прошли молча.

– Я каждый вечер звоню ему, – вдруг сказал Илья. – Отцу. В дом престарелых. Он не узнаёт моего голоса. Иногда думает, что я его начальник из типографии, и спрашивает, когда дадут новый тираж. Иногда – что я сосед по лестничной клетке, и жалуется на шум. А один раз он сказал: «У меня был сын. Он обещал забрать меня отсюда». Я стою с трубкой у уха и не знаю, говорить ему, что это я, или согласиться, что сына нет.

Вера остановилась.

– Ты не обязан каждый день звонить.

– Обязан. – Он произнёс фразу так, будто в ней заключено единственное, в чём уверен. – Пока я звоню, я помню, что он есть. Даже если он не помнит. Память – это же не про одного человека. Это про двоих. Один помнит за обоих.

Вера подумала о надписи в книге: «Допиши здесь свою историю». О старике под зелёной лампой в прологе, который записывал имена и адреса, чтобы они не рассыпались. И вдруг поняла: Илья делает то же самое. Только его телефонные звонки – не бумага и не чернила. Это голос, который каждый вечер заново пишет человека, стёртого со страницы.

– Я найду, кто это сделал, – сказала она. – Не только ради статьи. Ради твоего отца.

Илья посмотрел на неё – не с благодарностью, а с тем странным спокойствием, которое бывает, когда человек слышит именно то, что ему нужно, от того, от кого не ждал.

– Ради всех отцов, – поправил он тихо и спросил: – Куда теперь?

Девушка остановилась у перекрёстка, где ветер гнал по асфальту обрывки старых газет. На одном из клочков она заметила знакомое слово: «Светляков».

– В библиотеку, – уверенно произнесла она, сжимая книгу. – Пора спросить её прямо: если мы расскажем всё, что знаем, это остановит огонь? Или только разожжёт его сильнее?

Библиотека ночью выглядела иначе. Стеллажи тянулись в темноту, будто становились бесконечными. Вера и Илья искали в картотеке доказательства того, что библиотекаря связана с исчезновениями людей в городе за последние тридцать лет. Они надеялись найти совпадения: одинаковые даты, похожие имена или ту самую заметку – вроде редакторского знака, который ставят при правке текста. Таковую, что могла бы подтвердить: где-то ведётся параллельный учёт, невидимая ведомость чужих пропаж. Каждый ящик, каждый потёртый листок казались им то ниточкой к разгадке, то очередной ловушкой.

Они замерли, услышав тихий голос из дальнего угла. Это была библиотекаря. Она стояла перед старым шкафом, в котором вместо книг были стеклянные ящики с карточками. На каждой карточке – имя, дата и тонкая линия, которая то темнела, то светлела, как пульс.

– ...нарушение режима чтения, – бормотала она, водя пальцем по стеклу. – Попытка распространения. Требуется корректировка.

Вера сжалась, чтобы не выдать себя.

– Кто это? – одними губами спросил Илья.

– Наша «хранительница», – прошептала Вера.

Библиотекаря вдруг подняла голову, будто услышала их.

– Тишина, – произнесла она в пустоту. – Здесь нельзя шуметь. Здесь слушают страницы.

Она достала из кармана маленький блокнот и что-то быстро записала.

– Ещё один наблюдатель, – пробормотала она. – Тоже придётся внести.

Слова сорвались с губ раньше, чем Вера успела их удержать: страх, копившийся с момента пожара, вдруг обернулся гневом.

– Вы стираете людей, как ошибки в тексте!

Женщина не вздрогнула. Она лишь аккуратно закрыла блокнот.

– Я стираю не людей, – сказала она спокойно. – Я убираю опасные истории. Если оставить их, они начнут размножаться. Один рассказ – десять пересказов. Десять пересказов – сотня слухов. Сотня слухов – паника. А паника сжигает города быстрее любого пожара.

– Так это вы устроили пожар? – выдохнул Илья.

– Я утвердила протокол, – поправила она. – А огонь – это просто инструмент. Как ластик.

Вера шагнула вперёд:

– Значит, вы и за мной следили.

Библиотекаря посмотрела на неё долгим взглядом.

– Да, – призналась она. – С того самого дня, когда ты впервые открыла титульный лист. Книга сразу дала сигнал. Тень на странице дрогнула. Это значит – читатель слишком близко подошёл к правде.

– И что дальше? – голос Веры звучал твёрже, чем она чувствовала себя.

– Дальше? – Женщина достала из ящика карточку с именем Веры и провела по ней пальцем, стирая что-то невидимое. – Дальше мы приведём твою историю в соответствие с нормами. Женщина подняла глаза – и в них мелькнуло не удивление, а усталое узнавание.

– Я знала, что вы вернётесь, – тихо сказала она, не закрывая тетрадь. – И знала, что не одна.

Вера сжала в пальцах «Страницы судеб», Илья стоял рядом, будто готовый в любой момент подхватить её, если земля снова уйдёт из-под ног.

– Мы нашли черновики Светлякова, – выпалила Вера. – И письмо для какой-то Марины. И фотографии. Но этого мало. Нам нужно понять, как остановить огонь. Он не просто сжигает здания. Он стирает людей.

Библиотекарша медленно провела ладонью по обложке своей тетради, словно успокаивая её.

– Огонь – это не стихия, – тихо сказала библиотекарша, не поднимая глаз от тетради.

– Хватит метафор! – Вера хлопнула ладонью по стойке, и звук отозвался в зале как удар колокола. – Офис уже горел. Люди исчезали. Я не хочу философии, я хочу найти способ это остановить.

Женщина вновь посмотрела на неё. В её взгляде не было раздражения – только усталость, будто она слышала этот крик сотни раз.

– Хорошо. Без метафор. Пока книга жива, память сохраняется. Но стоит кому-то захотеть её уничтожить – огонь приходит, чтобы сжечь не только бумагу. Он стирает саму возможность вспомнить.

Вера сжала кулаки.

– Значит, если я перестану её читать, огонь исчезнет?

– Нет. – Голос библиотекарши стал твёрже. – Если ты перестанешь читать, ты позволишь ему победить. Книга должна быть прочитана. И рассказана. Иначе память сгорает.

Илья нахмурился.

– То есть кто-то целенаправленно пытается стереть эти истории?

– Да, – кивнула библиотекарша. – Есть те, кому невыгодно, чтобы правда оставалась видимой. Они охотятся за книгами, за читателями, за любыми следами. Пожар в вашем офисе – не случайность. Это попытка оборвать одну из нитей.

Вера вспомнила обгоревший блокнот, записку с дрожащим почерком: *«Не читай дальше»*.

– Но как разорвать эту цепь? Как защитить людей?

Женщина открыла тетрадь. На пожелтевших страницах были аккуратно выписаны имена – те самые, что Вера видела в каталоге: Анна К., Игорь С., Елена П... И теперь там появилась ещё одна строчка: «Вера М. и Илья (без фамилии)».

Вера взяла в руки тетрадь. На форзаце, чуть наискось, выведено выцветшими чернилами:

«Запись Е. П., 1972 г.

Постепенно из простой фиксации фактов рождалась концепция. Книга должна была стать не хранилищем, а живым механизмом: она не только собирала воспоминания – она вступала с ними в диалог.

Он придумал систему взаимодействия с читателями: на отдельных страницах оставлял пустые строки, пометки вроде “Допиши здесь свою историю”, “Вспомни того, кого забыли”. Верил, что память – это не то, что хранят в одиночку, а то, что передают друг другу, как свечу в тёмном коридоре.

Первые читатели появились почти случайно. Анна К., пожилая женщина с тихим голосом и внимательными глазами, принесла старую фотографию и дрожащими пальцами рассказала

про двор, которого больше нет. Игорь С., молодой инженер, записал на полях адрес дома, где когда-то жил его дед, и добавил: “Если дом снесут, пусть хоть здесь останется”. А я, Елена П., начала вести в книге свой маленький дневник наблюдений: как меняется речь города, какие слова исчезают, какие появляются.

Книга становилась не просто текстом – она превращалась в сеть. В невидимую паутину, где каждое новое слово тянуло за собой другие, заставляя вспоминать, возвращаться, дописывать. И чем больше мы вписывали, тем отчётливее казалось, что книга не только принимает наши строки – она их переплетает, будто сама ищет узор, который удержит прошлое от распада».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.